

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.4.9>UDC 314.8(470.620)
LBC 60.7(2Poc-4Kpa)Submitted: 16.12.2024
Accepted: 14.02.2025

CHANGES IN THE SETTLEMENT NETWORK AND DEMOGRAPHIC PROCESSES IN THE KUBAN AND THE BLACK SEA REGION IN 1920–1939

Andrey V. Baranov

Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

Valery V. Kasyanov

Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The scientific problem of changes in the settlement network in the context of demographic processes of the NEP periods and the modernization of Soviet society (1920–1939) is relevant for clarifying the historical patterns of development of the space of the regions of Russia, including Kuban and the Black Sea region. Changes in the settlement network have become an important factor in industrialization and collectivization, the formation of a new territorial identity in the regional community. The purpose of the article is to determine the direction of changes in the settlement network in the context of demographic processes in the Kuban and the Black Sea region in 1920–1939. *Methods and materials.* The study is conducted using system analysis, synchronous and diachronic comparative analysis, and construction of variational and dynamic series in the form of statistical tables. *Analysis and results.* It is established that the main factors of the specifics of the settlement network of the Kuban region and the Black Sea province by 1920 were the specialization of the region – high-quality grain agriculture – as well as Cossack communal land use in the Kuban and the incomplete peasant colonization of the Black Sea coast. Due to the natural conditions, the region is clearly divided into steppe, foothill, and coastal zones. The highest settlement density and population concentration in large villages are noted in the Ekaterinodar and Labinsk departments. The population and its ethnic heterogeneity have increased significantly due to interregional migration. Under the conditions of the new economic policy, the restoration of settlement networks disrupted during the Civil War was developing, but the preservation of Cossack communal land ownership prevented the modernization of the community. Industrialization and collectivization, which began in 1928, had a peculiarity in the Kuban and the Black Sea region: the priorities of economic development were the food and construction industries, large grain collective farms in the Kuban, and the creation of resort and recreational centers in the Black Sea region. At the same time, the dispossession and famine of 1932–1933 led to significant forced migration and stimulated the growth of the urban population and its concentration in large settlements. Modernization has led to changes in the territorial identity of the Kuban and Black Sea communities. *Authors' contribution.* A.V. Baranov has provided research conceptualization, methodology development, source text writing, and final conclusions. V.V. Kasyanov has participated in the development of curricula and their implementation, the collection and interpretation of archival materials, the follow-on revision of the text, and final conclusions. *Funding.* The research was carried out with the financial support of the Kuban Science Foundation and at the expense of a grant from the Russian Science Foundation within the framework of project No. 24-18-20096, <https://rscf.ru/project/24-18-20096/>.

Key words: demographic processes, settlement network, changes, Kuban, Black Sea region, 1920–1939.

Citation. Baranov A.V., Kasyanov V.V. Changes in the Settlement Network and Demographic Processes in the Kuban and the Black Sea Region in 1920–1939. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Iстория. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 4, pp. 111–123. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.4.9>

ИЗМЕНЕНИЯ СЕТИ ПОСЕЛЕНИЙ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ НА КУБАНИ И В ЧЕРНОМОРЬЕ В 1920–1939 ГОДАХ

Андрей Владимирович Баранов

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Российская Федерация

Валерий Васильевич Касьянов

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Научная проблема изменений сети поселений в контексте демографических процессов периодов НЭПа и модернизации советского общества (1920–1939 гг.) актуальна для выяснения исторических закономерностей развития пространства регионов России, в том числе Кубани и Черноморья. Изменения сети поселений стали важным фактором проведения индустриализации и коллективизации, формирования новой территориальной идентичности в региональном сообществе. Цель статьи – определить направленность изменений сети поселений в контексте демографических процессов на Кубани и в Черноморье в 1920–1939 годах. *Методы и материалы.* Исследование проведено с применением системного анализа, синхронного и диахронного сравнительного анализа, построения вариационных и динамических рядов в виде статистических таблиц. *Анализ и результаты.* Установлено, что основными факторами специфики сети поселений Кубанской области и Черноморской губернии к 1920 г. были специализация региона (высокотоварное зерновое сельское хозяйство), казачье общинное землепользование на Кубани и незавершенная крестьянская колонизация Черноморского побережья. В соответствии с природными условиями регион отчетливо делился на степную, предгорную и приморскую зоны. Наибольшая плотность расселения и концентрация населения в крупных станицах отмечены в Екатеринодарском и Лабинском отделах. Численность населения и его этническая неоднородность значительно возросла благодаря межрегиональной миграции. В условиях новой экономической политики происходило восстановление сетей поселений, нарушенных в годы Гражданской войны, но сохранение казачьего общинного землевладения препятствовало модернизации сообщества. Индустриализация и коллективизация, начатые в 1928 г., имели свои особенности на Кубани и в Черноморье: приоритетами экономического развития стали пищевая и строительная промышленность, крупные зерновые коллективные хозяйства на Кубани, а в Черноморье – создание курортно-рекреационных центров. В то же время раскулачивание и голод 1932–1933 гг. привели к значительной вынужденной миграции, стимулировали рост городского населения и его концентрацию в крупных населенных пунктах. Модернизация привела к изменениям территориальной идентичности сообществ Кубани и Черноморья. *Вклад авторов.* А. В. Баранов – концепция исследования, развитие методологии, написание исходного текста, итоговые выводы. В. В. Касьянов – участие в разработке концепции исследования и ее реализации, сбор и интерпретация архивных материалов, доработка текста, итоговые выводы. *Финансирование.* Исследование выполнено при финансовой поддержке Кубанского научного фонда и за счет гранта Российского научного фонда в рамках проекта № 24-18-20096, <https://rscf.ru/project/24-18-20096/>.

Ключевые слова: демографические процессы, сеть поселений, изменения, Кубань, Черноморье, 1920–1939 гг.

Цитирование. Баранов А. В., Касьянов В. В. Изменения сети поселений и демографические процессы на Кубани и в Черноморье в 1920–1939 годах // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 4. – С. 111–123. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.4.9>

Введение. Актуальность научной проблемы изменений сети поселений в контексте демографических процессов периодов НЭПа и модернизации советского общества (1920–1939 гг.) состоит в необходимости выяснить исторические закономерности развития про-

странства регионов России, в том числе Кубани и Черноморья. Изменения сети поселений (численности и плотности населения, его этнического и сословного состава, территориальных связей и идентичности жителей) стали важным фактором проведения индустриали-

зации и коллективизации, формирования новой территориальной идентичности в региональном сообществе. Тема исследована недостаточно. Актуальность темы также состоит в необходимости учесть исторические традиции и самосознание местных сообществ при управлении современными масштабными демографическими процессами в Краснодарском крае. Цель статьи – определить направленность изменений сети поселений в контексте демографических процессов на Кубани и в Черноморье в 1920–1939 годах.

Методы и материалы. Географические пределы исследования включают в себя территорию Кубано-Черноморской области, существовавшей с 29 марта 1920 г. по 13 февраля 1924 года. Позже на данной территории были образованы Армавирский, Кубанский, Майкопский и Черноморский округа в прямом подчинении Северо-Кавказскому краю (лето 1924 г. – начало 1930 г.). Ейский, Кущёвский и Староминской сельские районы, г. Ейск вошли в состав Донского округа. Все перечисленные территории обладали социокультурной преемственностью по отношению к дореволюционным Кубанской области и Черноморской губернии. Территория Адыгейской (Черкесской) автономной области, созданной в 1922 г., не включена в объект исследования, поскольку она по типу историко-демографического развития ближе к другим автономиям Северного Кавказа, а не к Кубано-Черноморью.

Хронологические пределы работы охватывают время с весны 1920 г. (восстановление советской власти в регионе) до 1939 г. (закончение коллективизации и проведение Всеобщей переписи населения).

Степень научной разработанности проблемы можно признать недостаточной. Первые исследования исторической демографии Кубани и Черноморья 1920-х гг. провели статистики и краеведы: В.И. Смирнский [29], И.М. Гольдентул [6], А.И. Гозулов [5], Л.Я. Апостолов [1]. Их интересовала в первую очередь фиксация численности и социальной структуры населения региона. Эти сведения использовались для аргументации планов экономического развития, «планомерного размещения производительных сил», реформ административно-территориального деления (работа А.А. Пономарёва [20]). Интерес историков 1930–1950-х гг.

к теме резко снизился: изменения численности и состава населения лишь бегло упоминались в контексте факторов коллективизации. Вновь внимание к исторической демографии Кубано-Черноморья привлек коллектив монографии Института этнографии АН СССР под редакцией К.В. Чистова [11], а также исследователь доколхозной станицы В.Е. Щетнёв [35]. Однако полномасштабное возрождение интереса к исторической демографии региона, осознание сложной детерминации демографических процессов состоялось только к концу 1990-х годов. Можно упомянуть работы по истории населения Кубани периодов НЭПа и коллективизации, выполненные на новой методологической и источниковой основе В.Н. Ратушняком [26], А.В. Барановым [2], В.Н. и Я.В. Ракачёвыми [24; 25], М.Ю. Макаренко [13], О.С. Субботиным [31]. А.П. Скорик и И.М. Федина сосредоточили внимание на кубанских доколхозных станицах и хуторах как типах поселений [28]. Т.В. Панкова-Козочкина и В.А. Бондарев раскрыли проявления модернизации сельского хозяйства Юга России [18]. А.А. Цуциев впервые создал исторический атлас Кавказа, уделив основное внимание этническим и конфессиональным ареалам [34]. В.Р. Истягин осветил малоизвестные процессы переселенческой политики в период коллективизации [8]. Вместе с тем сохраняется приоритетное внимание специалистов к половозрастным, социальным и этническим аспектам истории населения; пространственные аспекты демографической истории 1920–1930-х гг. изучены значительно слабее. Внимание в основном уделяется населению городов, а не станиц и сел. Редко выполняются работы о сельских поселениях Черноморья (достойное исключение – статьи О.В. Бершадской [3] и Г.А. Нагаевой [15]).

Специальных исследований сети поселений Кубано-Черноморья 1920–1930-х гг. в зарубежной историографии еще не создано. Упомянем общие исследования российской демографической истории данного периода, выполненные японскими авторами К. Кумо, Т. Моринага и Й. Шида [44], американскими экспертами Ч. Беккером, Й. Мендельсоном и К. Бендерской [37], французскими исследователями К. Бруич и К. Гества [38]. Их авторы концентрируют внимание на долгосрочных тенденци-

ях роста народонаселения России, особенностях урбанизации (Дж. Кесслер и др.) [46] и модернизации сельских поселений.

Наше исследование реализовано на основе использования системного анализа, синхронного и диахронного сравнительного анализа [36]. Население Кубано-Черноморской области (с лета 1924 г. – округов, на которые область была разделена) воспринимается как целостная совокупность взаимосвязанных элементов: половозрастных, сословных и этнических групп, горожан и сельских жителей, обладавших территориальной идентичностью. Сравнительный анализ обеспечивает установление сходств и различий населения отдельных округов и районов Кубано-Черноморья как в статистике, так и в динамике, в зависимости от стратегий общественного развития 1920–1930-х годов. Построены вариационные и динамические ряды в виде статистических таблиц, позволившие наглядно представить локальные особенности расселения, удельного веса народов, а также сословных групп казаков и крестьян среди жителей городов, сельских районов и станиц.

Авторы статьи применяют методы исторической географии: картографирование [42], определение поселенческих ареалов и сетей [40], центр-периферийный подход [41], а также понятийный аппарат географии населения [43], теорию расселения В. Кристаллера [39] и теорию экономического ландшафта А. Лёша [45]. На их основе определены ареалы концентрации населения, оси транспортных и хозяйственных коммуникаций между местными сообществами Кубани и Черноморья.

Источниковая база исследования объемлет собой материалы переписей населения 1920, 1926 и 1939 гг., а также текущего статистического учета населения; справочные и отчетные материалы органов государственной власти (отчеты статистических управлений областного и окружных статистических управлений, справки по запросам партийных и правоохранительных органов); статистические данные о землепользовании и землеустройстве; записки и сообщения органов ОГПУ о выселении кулаков из районов Кубано-Черноморья [33, с. 214–229]; географические карты о размещении населения региона, его этническом и сословном составе, о географических особенностях хозяйства [29; 31; 32].

Результаты. Система расселения на Кубани и в Черноморье определялась природно-географическими факторами: плодородными черноземами и благоприятным для земледелия климатом на большей части территории региона – в его степной (к северу от рек Кубань и Лаба) и предгорной (между Кубанью и Лабой на севере и Главным Кавказским хребтом на юге) зонах. Территорию Кубанской области прорезают с востока на запад полноводная р. Кубань и ее притоки, создающие естественные транспортные оси. Черноморское и Азовское побережья в большей мере благоприятны для садоводства, виноградарства и овощеводства, а также имели возможности для развития портового хозяйства и экспорта российской сельскохозяйственной продукции на внешние рынки.

Социально-экономическим фактором быстрого роста населения Кубани и Черноморья до 1917 г. являлось развитие высокотоварного сельского хозяйства (возделывались зерновые культуры, подсолнечник, сахарная свекла, эфиромасличные культуры; достаточно развиты были скотоводство, коневодство и рыбная ловля). Начиная с 1870-х гг. важными осями системы расселения стали железные дороги Ростов-на-Дону – Армавир, Царицын – Новороссийск, Тихорецкая – Ейск, Армавир – Туапсе. Железные дороги стимулировали промышленный и торговый рост Екатеринодара, Новороссийска, Армавира и других узловых населенных пунктов. Вместе с тем по среднероссийским меркам города Кубани и Черноморья были развиты недостаточно, оставаясь в основном центрами пищевой промышленности и транспортными узлами.

Накануне Первой мировой войны Кубанская область и Черноморская губерния представляли собой регионы, население которых увеличивалось наиболее высокими в европейской части России темпами. В совокупности к началу 1914 г. Кубань и Черноморье достигли численности населения 3 110,2 тыс. чел. (в сравнении с 180 тыс. чел. в 1860 г.), в том числе Кубанская область – 2 984,5 тыс., Черноморская губерния – 152,7 тыс. человек. Казаки составляли 45,8 % жителей в Кубанской области, но мизерную долю – в Черноморской губернии [10, с. 32]. Сельские жители составляли 90,6 % суммарного населения Кубани и

Черноморья, включая 92,7 % на Кубани и 51,4 % в Черноморье. Преобладали патриархальные семьи из 3–4 поколений [30, с. 8–11]. Такая демографическая ситуация была следствием быстрого прогресса сельского хозяйства, ориентированного на внешний и внутренний рынок.

Сеть поселений характеризуется наличием крупных станиц и сел, население которых было равным по численности с городами центральной части России. Так, по переписи 1926 г., ст-ца Лабинская включала население 28,8 тыс. чел., Пашковская – 18,0 тыс. чел., 67 станиц и сел Кубано-Черноморья насчитывали более 10 тыс. жителей (65 из 67 – в степной зоне) [21, с. 35–36]. Важнейшими из них по транспортному и экономическому расположению были станицы Динская, Белореченская, Славянская, Крымская, Михайловская, Уманская, Павловская, Калнибоготская, Староминская, Екатериновская, Новопокровская, Медвёдовская и др. Поселения концентрировались вдоль основных рек и транспортных путей, зачастую занимая вытянутые участки земли. Хлеборобы страдали от дальноземелья своих участков («планов»).

Первая мировая война привела к значительному притоку мигрантов из западных, прифронтовых местностей Российской империи. Например, население г. Екатеринодара выросло за 1914–1920 гг. на 43,5 % [12, с. 74–76]. Усилилась этническая разнородность населения региона за счет притока поляков, евреев, эстонцев, латышей, немцев. Особо надо отметить переселение на Черноморское побережье беженцев из Османской империи – армян и греков, расселившихся достаточно компактно [7]. За годы Гражданской войны и последовавшего голода возрос приток в Кубано-Черноморскую область славянского населения, прежде всего с Левобережной Украины, из Центрального Черноземья и Поволжья. Например, Всесоюзная перепись населения 18 декабря 1926 г. зафиксировала в округах бывшей Кубано-Черноморской области 514 667 переселенцев, прибывших в Северо-Кавказский край извне (16,6 % постоянного населения). Среди них преобладали переехавшие с Украины (28,9 %) и из Центрально-Черноземной области (24,8 %), далее по убывающей шли выходцы из республик Закавказья, Центрального промышленного региона и зарубежных стран [17, с. 23–24]. В основном новоселы

заполняли ряды иногороднего крестьянства, неполноправного в землепользовании. Приток мигрантов стимулировал организацию новых хуторов и сел, но на Черноморском побережье беженцы из Османской империи зачастую жились во временных ветхих жилищах, что провоцировало конфликты [23, л. 13–18].

Перепись населения 28 августа 1920 г. проводилась в условиях еще не налаженного аппарата государственного управления – продолжалась Гражданская война. По различным оценкам, недоучет составил от 4 до 11 % постоянных жителей. Ученное население Кубано-Черноморской области, включая жителей вскоре созданных Карачаево-Черкесской и Адыгеево-Черкесской автономных областей, составило 2934,9 тыс. человек. Из них 2498,8 тыс. (85,1 %) были сельскими жителями, а 436,1 тыс. (14,9 %) – горожанами. Население Баталпашинского отдела (Карачаево-Черкесии) составляло оценочно 284,0 тыс. чел., Ейского – 427,5 тыс., Кавказского – 422,9 тыс., Краснодарского – 415,7 тыс., Лабинского – 489,7 тыс., Майкопского (включая Адыгею) – 447,0 тыс., Таманского отдела – 497,7 тыс. чел., а бывшей Черноморской губернии – 152,7 тыс. чел. [30, с. 12].

Следовательно, численность населения Кубано-Черноморья в границах, сопоставимых с дореволюционными, снизилась, по официальному статистическому учету на 1914–1920 гг., на 175,3 тыс. чел., причем в большей степени сократилось сельское население. Депопуляция продолжилась вследствие хозяйственной разрухи, эмиграции и повстанческих выступлений в 1921–1922 годах. На 1922 г. численность жителей Кубано-Черноморской области сократилась до 2 880,8 тыс. чел. [16, с. 1, 53]. Последующее восстановление численности населения объясняется постепенным налаживанием многоукладной нэповской экономики. В частности, на территории Кубанского округа естественный прирост населения был на уровне +2,1 % в 1924 г. и +2,6 % в 1926 г., превысив довоенный уровень [19, с. 57].

Наиболее объективные и детальные сведения о демографических процессах на Кубани и в Черноморье периода НЭПа дает Всесоюзная перепись населения (17 декабря 1926 г.), состоявшаяся на стадии относительной стабилизации многоукладного общества. Ее результаты мы представили в виде вариационного ряда (см. таблицу).

Население Кубани и Черноморья по Всесоюзной переписи населения (17 декабря 1926 г.)

**Population of Kuban and the Black Sea region according to the All-Union Population Census
(December 17, 1926)**

№ п/п	Административная единица	Все население, тыс. чел.	Городское население, тыс. чел.	Сельское население, тыс. чел.	Урбанизация, %	Казачье население, % от всего населения
1	Армавирский округ	927,4	153,7	773,7	16,6	41,0
1.1	г. Армавир	74,5	74,5	—	100,0	12,3
1.2	Армавирский район	71,4	—	71,4	0	46,7
1.3	г. Баталпашинск	19,4	19,4	—	100,0	45,9
1.4	Баталпашинский район	41,6	—	41,6	0	73,5
1.5	Вознесенский район	54,5	—	54,5	0	47,7
1.6	Григорополисский район	39,0	—	39,0	0	34,2
1.7	Каменнобродский район	38,2	—	38,2	0	77,9
1.8	г. Кропоткин	31,0	31,0	—	100	5,3
1.9	Кропоткинский район	105,9	—	105,9	0	36,6
1.10	Курганинский район	48,6	—	48,6	0	37,7
1.11	Лабинский район	75,9	28,8	47,1	37,9	37,2
1.12	Невинномысский район	85,2	—	85,2	0	33,4
1.13	Новоалександровский район	49,5	—	49,5	0	74,61
1.14	Отрадненский район	78,5	—	78,5	0	63,1
1.15	Петропавловский район	52,4	—	52,4	0	53,7
1.16	Успенский район	61,8	—	61,8	0	24,8
2	Кубанский округ	1 489,1	211,0	1278,1	14,2	50,8
2.1	Абинский район	58,9	—	58,9	0	46,9
2.2	Брюховецкий район	82,6	—	82,6	0	50,2
2.3	Горячеключевской район	29,6	2,2	27,4	7,4	53,7
2.4	Каневской район	54,4	—	54,4	0	62,7
2.5	Кореновский район	117,3	—	117,3	0	50,3
2.6	Краснодарский район	123,0	—	123,0	0	73,2
2.7	г. Краснодар	162,5	162,5	—	100	7,1
2.8	Медведовский район	70,5	—	70,5	0	55,4
2.9	Новопокровский район	72,4	—	72,4	0	68,3
2.10	Павловский район	73,0	—	73,0	0	63,3
2.11	Поповический район	78,2	—	78,2	0	69,1
2.12	Приморско-Ахтарский район	40,4	11,3	29,1	28,0	45,0
2.13	Северский район	66,5	—	66,5	0	41,3
2.14	Славянский район	131,0	—	131,0	0	61,3
2.15	Темрюкский район	50,7	10,5	40,2	20,7	62,9
2.16	Уманский район	41,7	—	41,7	0	66,4
2.17	Усть-Лабинский район	88,1	—	88,1	0	39,2
3	Донской округ, присоединенная от Кубани часть	304,0	38,1	265,9	12,5	44,5
3.1	Ейский район	100,6	—	100,6	0	53,8
3.2	г. Ейск	38,1	38,1	—	100	2,8
3.3	Кущёвский район	87,6	—	87,6	0	33,4
3.4	Староминской район	77,7	—	77,7	0	65,3
4	Майкопский округ	330,1	55,9	274,2	16,9	34,2
4.1	Армянский район	8,1	—	8,1	0	1,0
4.2	Белореченский район	61,6	—	61,6	0	29,8
4.3	Дондуковский район	43,4	—	43,4	0	31,9
4.4	Майкопский район	71,9	—	71,9	0	53,2
4.5	г. Майкоп	55,9	55,9	—	100	3,0
4.6	Мостовской район	58,4	—	58,4	0	44,5
4.7	Хадыженский район	30,9	—	30,9	0	48,1
5	Черноморский округ	291,4	112,5	179,0	38,6	12,8
5.1	Анапский район	40,6	—	40,6	0	50,4
5.2	г. Анапа	13,4	13,4	—	100	3,5

*Окончание таблицы**End of the table*

№ п/п	Административная единица	Все население, тыс. чел.	Городское население, тыс. чел.	Сельское население, тыс. чел.	Урбанизация, %	Казачье население, % от всего населения
5.3	Геленджикский район	12,2	—	12,2	0	1,5
5.4	г. Геленджик	4,5	4,5	—	100	1,9
5.5	Крымский район	56,9	—	56,9	0	16,9
5.6	г. Новороссийск	74,1	67,9	6,2	91,6	3,5
5.7	Сочинский район	44,4	14,5	29,9	32,7	2,1
5.8	Туапсинский район	17,4	—	17,4	0	2,6
5.9	г. Туапсе	12,0	12,0	—	100	3,3
5.10	Шапсугский район	5,5	—	5,5	0	0,2
Кубань и Черноморье в целом		3 342,0	571,2	2 770,8	17,1	42,5

Примечание. Составлено по: [4, с. 47–48; 9, с. 2–9].

Материалы переписи 1926 г., представленные в таблице, подтверждают, что восстановилась и немного была превзойдена довоенная численность населения изучаемого региона. Уровень урбанизации сообщества Кубани и Черноморья вырос в условиях НЭПа – с 14,9 до 17,1 % за 1920–1926 гг. Наиболее быстро росли административные центры округов – Краснодар, Армавир, Новороссийск и Майкоп. Удельный вес казачества в населении Кубани и Черноморья несколько снизился в сравнении с 1914 г. (с 45,8 до 42,5 %), но абсолютная численность кубанского казачества восстановилась, достигнув 1 421,1 тыс. чел. [4, с. 47–48; 9, с. 2–9].

Анализ пространственного распределения казачества в 1926 г. показывает, что наибольший удельный вес кубанских казаков отмечен среди жителей сельских районов, удаленных от транспортных магистралей. Так, казаки составляли 7,5 % горожан Кубани и Черноморья, тогда как среди сельских жителей региона казаков было 58,2 % [4, с. 47–48; 9, с. 2–9]. В то же время, иногородние крестьяне в наибольшей мере концентрировались в местностях вдоль транспортных путей, в городских и сельских административных центрах.

Черноморский округ резко отличался от бывшей Кубанской области высоким уровнем урбанизации и полигэтничностью населения, что было обусловлено особенностями экономики (развитием курортного дела, портов, пригородного садоводства и овощеводства, выращивания технических культур). Черноморское побережье оставалось недостаточно заселенным и освоенным.

Приоритеты развития Кубани и Черноморья качественно меняются в 1927–1929 гг. при подготовке и проведении коллективизации. Основной целью становится наращивание удельного веса колхозов и совхозов в сельскохозяйственном производстве, вытеснение «эксплуататорских элементов» города и села из экономики (включая выселение части нэпманов и кулаков из Северо-Кавказского края). Планы первой и второй пятилеток предусматривали активное строительство в регионе крупных предприятий пищевой, легкой, нефтеперерабатывающей промышленности, производства строительных материалов, что требовало быстрой урбанизации общества. Территориальное размещение возводимых приоритетных предприятий выявлено Д.А. Салфетниковым, который особо отмечает значение реконструкции цементных заводов г. Новороссийска, строительства нефтепровода Грозный – Туапсе, предприятий сельскохозяйственного машиностроения в г. Краснодаре и Армавире, заводов по переработке сельскохозяйственной продукции в г. Краснодаре и Кропоткине, ст-цах Крымской, Кореновской, г. Ейске и Темрюке [27, с. 99, 105].

Раскулачивание, начатое летом 1929 г., охватило в ряде районов Кубани до 13–15 % сельских семей, хотя официально кулаками считались 3–5 % казаков и крестьян. Первая и вторая категория раскулаченных подлежали высылке из Северо-Кавказского края в местности Европейского Севера, Сибири и Дальнего Востока. Под эти категории подпадали 8 тыс. жителей Кубани, выселенных к 1 марта 1930 года. По подсчетам сибирского

историка С.А. Красильникова, из Северо-Кавказского края было выселено к лету 1930 года. 10 595 семей, из них примерно 25 % – с Кубани [14, с. 483]. Позже, в ноябре 1932 г., ЦК ВКП(б) своим постановлением выселил с Кубани 2 000 кулацко-зажиточных семей, злостно срывающих сев» [26, с. 292–296]. Из «чернодосочных» станиц Полтавской, Уманской, Медвёдовской, Урупской были выселены 53 500 человек. Соответствующее постановление было принято ЦК ВКП(б) и СНК СССР 14 декабря 1932 г. [22]. Кроме этого, за сопротивление хлебозаготовкам за ноябрь 1932 г. – январь 1933 г. депортировано с Кубани 20 тыс. казаков и крестьян [26, с. 294–296].

Часть голодающего населения бежала с Кубани в другие регионы. Так, в спецводке № 9 секретно-политического отдела ОГПУ от 20 декабря 1932 г. признано, что с 15 ноября по 15 декабря 1932 г. с Кубани бежало 1 500 семей; только Черноморский окружной оперсектор ОГПУ задержал 2 279 человек. Массовое бегство из голодающих станиц отмечал Павловский районный комитет ВКП(б) в своем постановлении от 24 января 1933 г. [33, с. 225–226, 229].

Взамен, как выявил В.Р. Истягин, органы власти организовали переселение на Кубань, как и в другие регионы Юга РСФСР, демобилизованных красноармейцев и крестьян-бедняков из Центральной России. Например, к 14 декабря 1933 г. на Кубань было организованно переселено 10 560 чел. [8, с. 173].

В результате встречных миграционных потоков состав населения Кубани и Черноморья в 1930 г. серьезно изменился. Согласно расчетам В.Н. Ракачёва, при переписи 1939 г. численность населения Краснодарского края (без Адыгейской АО) составила лишь 2 930,9 тыс. чел., что на 4 % меньше, чем в 1926 г., несмотря на высокую рождаемость. При этом урбанизация населения Краснодарского края (без автономии) выросла в 1939 г. до 24,8 %. Быстрее всего росло население г. Краснодара, Армавира, Новороссийска, Туапсе [24, с. 51, 75].

Заключение. Установлено, что основными факторами специфики сети поселений Кубанской области и Черноморской губернии к 1920 г. были специализация региона (высокотоварное зерновое сельское хозяйство), казачье общинное землепользование на Куба-

ни и незавершенная крестьянская колонизация Черноморского побережья. В соответствии с природными условиями регион отчетливо делился на степную, предгорную и приморскую зоны. Размеры поселений на Кубани значительно превышали среднероссийские, особенно в степной зоне. Наибольшая плотность расселения и концентрация населения в крупных станицах отмечены в Екатеринодарском и Лабинском отделах. Численность населения и его этническая неоднородность значительно возросли благодаря межрегиональной миграции, направлявшейся прежде всего в города и местности вдоль железных дорог. Основными источниками миграционного притока выступали Левобережная Украина, Центральное Черноземье, Закавказье и бывшая Османская империя. В условиях новой экономической политики происходило восстановление сетей поселений, нарушенных в годы Гражданской войны. Довоенная численность населения Кубани и Черноморья, в том числе казачьего, а также уровень урбанизации были в 1926 г. восстановлены и превзойдены. Однако сохранение казачьего общинного землевладения препятствовало модернизации общества. Индустриализация и коллективизация, начатые в 1928 г., имели свои особенности на Кубани и в Черноморье: приоритетами экономического развития стали пищевая и строительная промышленность, крупные зерновые коллективные хозяйства на Кубани, а в Черноморье – создание курортно-рекреационных центров. В то же время раскулачивание и последовавший голод 1932–1933 гг. привели к значительной вынужденной миграции, стимулировали усиленный рост городского населения и его концентрацию в крупных населенных пунктах. Модернизация 1930-х гг. привела к изменениям территориальной идентичности сообществ Кубани и Черноморья: ослаблению влияния казачьего самосознания, интеграции региона в советское общество. Таким образом, трансформации народонаселения Кубани и Черноморья в 1920–1939 гг. имели три следующих этапа: 1920–1922 гг. – депопуляция вследствие войн и хозяйственной разрухи; 1923–1927 гг. – восстановление довоенных пропорций народонаселения на основе многоукладной рыночной экономики; 1928–1939 гг. – качественные изменения состава сообщества

вследствие репрессий, миграций и урбанизации. Установлено, что убыль населения из-за репрессий и голода неполностью возмещалась межрегиональными организованными миграциями. Удельный вес горожан в населении Кубани и Черноморья вырос почти вдвое в результате строительства промышленных предприятий, притока рабочей силы как из сельских местностей региона, так и из других регионов СССР.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апостолов Л. Я. Кубано-Черноморский край: Краткий очерк его современного состояния с приложением карты. Краснодар: Кубан.-Черном. краев. науч.-исслед. ин-т, 1924. 54 с.
2. Баранов А. В. Многоукладное общество Северного Кавказа в условиях новой экономической политики. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 1999. 346 с.
3. Бершадская О. В. Черноморская деревня в первой трети XX в.: социально-экономический аспект // Былые годы. 2009. № 3 (13). С. 37–45.
4. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Окончательные итоги. В 7 отд., 56 т. Отд. 1. Т. 5. Крымская АССР. Северо-Кавказский край. Дагестанская АССР. М.: Изд-во ЦСУ Союза ССР, 1928. VIII, 388 с.
5. Гозулов А. И. Морфология населения: Опыт изучения строения основных свойств населения Северо-Кавказского края по данным трех народных переписей 1926, 1920 и 1897 г. Ростов н/Д: Сев.-Кавк. краев. стат. упр., 1929. 442 с.
6. Гольдентул И. М. Земельные отношения на Кубани: крат. очерк. Краснодар: Буревестник, 1924. XI, 96, XIII с.
7. Доклад о землепользовании и землеустройстве национальных меньшинств в Черноморском округе // Центр документации новейшей истории Краснодарского края (далее – ЦДНИКК). Ф. 9. Оп. 1. Д. 878. Л. 1–2.
8. Истягин В. Р. Реализация государственной переселенческой политики в период коллективизации (на материалах Дона и Северного Кавказа). Ростов н/Д: Дониздат, 2016. 175 с.
9. Казачество Северо-Кавказского края. Итоги переписи населения 1926 г. Ростов н/Д: Сев.-Кавк. краев. стат. упр., 1928. 99 с.
10. Козлов А. И. На историческом повороте. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1977. 214 с.
11. Кубанские станицы: Этнические и культурно-бытовые процессы на Кубани / под ред. К.В. Чистова. М.: Наука, 1967. 356 с.
12. Лубны-Герцык Л. И. Движение населения на территории СССР за время мировой войны и революции. М.: Пл. хоз-во; Госплан СССР, 1926. 124 с.
13. Макаренко М. Ю. Юг России накануне и в процессе демографической модернизации (1897–1926 гг.). Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2010. 160 с.
14. Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920–1930-е годы) / отв. ред. С. А. Красильников. М.: Полит. энцикл., 2017. 600 с.
15. Нагаева Г. А. Исторические факторы формирования населенных пунктов (на примере Черноморского побережья Краснодарского края) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2021. № 3 (59). С. 24–37. DOI: 10.21685/2072-3024-2021-3-3
16. Население и хозяйство Кубанско-Черноморской области: стат. сб. за 1922–1923 год. В 3 ч. Ч. 1 / под ред. В. И. Смирнского. Краснодар: Кубан.-Черном. обл. пл. комис., 1924. 226 с.
17. Нежигай Э. Н. Национальный состав населения Кубано-Черноморской области в 20-е годы ХХ века // Вестник Академии знаний. 2013. № 2 (5). С. 22–26.
18. Панкова-Козочкина Т. В., Бондарев В. А. Казачье-крестьянское хозяйство эпохи НЭПа: проблемы модернизации аграрных отношений на Юге России. Новочеркасск: Лик, 2012. 266 с.
19. Писарев И. Ю. Народонаселение СССР: соц.-экон. очерк. М.: Изд-во соц.-экон. лит., 1962. 188 с.
20. Пономарёв А. А. Территория и население Юго-Востока // Юго-Восток: справ. по Юго-Востоку России. Ростов н/Д: Сов. Юг, 1924. С. 349–372.
21. Поселенные итоги переписи 1926 года по Северо-Кавказскому краю. Ростов н/Д: Сев.-Кавк. краев. стат. упр., отд. переписи, 1929. 547 с.
22. Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О хлебозаготовках в Украине, на Северном Кавказе и в Западной области». 14 декабря 1932 г. // Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 3. Д. 2025. Л. 42–42 об.
23. Протокол № 1 расширенного совещания Черноморской окружной греческой секции при Агитпропотделе Черноморского окружкома ВКП(б) от 18 мая 1927 г. // ЦДНИКК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 817. Л. 13–31.
24. Ракачёв В. Н. Население Кубани и Ставрополья в 1930–1950-е гг.: историко-демографическое исследование. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2017. 350 с.
25. Ракачёв В. Н., Ракачёва Я. В. Народонаселение Кубани в XX веке: историко-демографическое исследование. В 4 т. Т. 1. 1900–1920-е гг. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2005. 199 с.
26. Ратушняк В. Н. История кубанского казачества. Краснодар: Традиция, 2013. 416 с.
27. Салфетников Д. А. Развитие промышленности Кубани в годы первых пятилеток (1928–1937). Краснодар: Кубан. гос. аграр. ун-т, 2013. 193 с.

28. Скорик А. П., Федина И. М. Кубанские курени и станицы: повседневный поселенческий уклад кубанских казаков и исторические формы поселений на Кубани в конце XVIII – первой трети XX веков. Новочеркасск: Лик, 2022. 1335 с.
29. Смирнский В. И. Население и хозяйство Кубанского округа. К началу 1924–1925 года (общий очерк). Краснодар: Кубан. окр. исполн. ком., 1924. 46, VI с.
30. Статистический справочник Юго-Востока России. Вып. 2 / под общ. ред. В. С. Орлова, А. А. Пономарёва. Ростов н/Д: Юго-Вост. пл. ком. при Крайэкономсовете Юго-Востока России, 1923. 312 с.
31. Субботин О. С. Развитие систем расселения и самобытные черты в планировке населенных мест Кубани // Жилищное строительство. 2014. № 11. С. 16–22.
32. Схематическая карта Кубанско-Черноморской области. Краснодар: 1-я литогр. Краснодара, 1923. 1 с.
33. Хрестоматия по истории Кубани / науч. ред. В. В. Касьянов. Краснодар: Периодика Кубани, 2015. 400 с.
34. Цуциев А. А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004). М.: Европа, 2006. 128 с.
35. Щетнёв В. Е. Октябрьская революция и динамика социально-экономической структуры кубанской станицы // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы: докл. и сообщ. Девятой сес. Междунар. симп. Таллин: АН ЭССР, 1971. С. 522–531.
36. Baker A. R. H. Geography and History: Bridging the Divide. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 281 p.
37. Becker Ch., Mendelsohn J., Benderskaya K. Russian Urbanization in the Soviet and Post-Soviet Eras. N. Y.: International Institute for Environment and Development United Nations Population Fund, 2012. 134 p.
38. Bruisch K., Gestwa K. Expertise and the Quest for Rural Modernization in the Russian Empire and the Soviet Union // Cahiers du Monde Russe. 2016. № 57/1. P. 7–30. DOI: <https://doi.org/10.4000/monderusse.8324>
39. Christaller W. Le localita centrali della Germania meridionale: un'indagine economico-geografica sulla regolarità della distribuzione e dello sviluppo degli insediamenti con funzioni urbane. Milano: F. Angeli, 1980. 342 p.
40. Domosh M. Heffernan M., Withers Ch. The Sage Handbook of Historical Geography. L.: Sage Publications, 2021. 1168 p.
41. Graham B., Nash C. Modern Historical Geographies. Harlow [etc.]: Pearson/Longman, 2006. XIV, 279 p.
42. Holdsworth D. W. Historical Geography: New Ways of Imaging and Seeing the Past // Progress in Human Geography. 2003. № 27 (4). P. 486–493. DOI: 10.1191/0309132503ph440pr
43. Izhar Hassan M. Population Geography: A Systematic Exposition. New Dehli: Routledge India, 2020. 368 p.
44. Kumo K., Morinaga T., Shida Y. Long-Term Population Statistics for Russia 1867–2002. Tokyo: Russian Research Center; The Institute of Economic Research Hitotsubashi University Kunitachi, 2007. 39 p.
45. Losch A. The Economics of Location. New Haven: Yale University Press, 1954. 520 p.
46. Afontsev S., Kessler G., Markevich A., Tyazhel'nikova V., Valetov T. Urban Households in Russia and the Soviet Union, 1900–2000: Size, Structure and Composition / (IISH-Research Paper 44). Amsterdam: Internationaal Instituut voor Sociale Geschiedenis, 2005. 90 p.

REFERENCES

1. Apostolov L. Ya. *Kubano-Chernomorskij krai: Kratkij ocherk ego sovremennoj sostoianija s prilozheniem karty* [The Kuban-Black Sea Region: A Brief Outline of Its Current State with the Application of a Map]. Krasnodar, Kuban.-Chernom. kraev. nauch.-issled. in-t, 1924. 54 p.
2. Baranov A. V. *Mnogoukladnoe obshchestvo Severnogo Kavkaza v usloviyah novoj ekonomicheskoy politiki* [Multicultural Society of the North Caucasus in the Context of New Economic Policy]. Krasnodar, Kuban. gos. un-t, 1999. 346 p.
3. Bershadskaya O. V. Chernomorskaia derevnia v pervoj treti XX v.: sotsialno-ekonomicheskii aspect [The Black Sea Village in the First Third of the 20th Century: Social and Economic Aspect]. *Bylye gody*, 2009, no. 3 (13), pp. 37–45.
4. *Vsesojuznaya perepis naseleniya 1926 goda. Okonchatelnye itogi. V 7 otd., 56 t. Otd. 1. T. 5. Krymskaia ASSR. Severo-Kavkazskij kray. Dagestanskaia ASSR* [The All-Union Population Census of 1926. Final Results. In 7 Sections, 56 Vols. Section 1. Vol. 5. Crimean ASSR. The North Caucasus Region. Dagestan ASSR]. Moscow, Izd-vo TsSU Soyuza SSR, 1928. VIII, 388 p.
5. Gozulov A. I. *Morfologiya naselenija: Opyt izuchenija stroenija osnovnykh svojstv naselenija Severo-Kavkazskogo kraja po dannym trekh narodnykh perepisej 1926, 1920 i 1897 g.* [Morphology of the Population: The Experience of Studying the Structure of the Main Properties of the Population of the North Caucasus Region According to the Data of Three National Censuses of 1926, 1920 and 1897]. Rostov-on-Don, Sev.-Kavk. kraev. stat. upr., 1929. 442 p.

6. Goldentul I.M. *Zemelnye otnosheniya na Kubani: krat. ocherk* [Land Relations in the Kuban: A Brief Essay]. Krasnodar, Burevestnik Publ., 1924. XI, 96, XIII p.
7. Doklad o zemlepolzovanii i zemleustroistve natsionalnykh menshinstv v Chernomorskom okruse [Report on Land Use and Land Management of National Minorities in the Black Sea District]. Tsentr dokumentatsii noveishei istorii Krasnodarskogo kraya (daleye – TsDNIKK) [Center for Documentation of the Modern History of the Krasnodar Territory], f. 9, inv. 1, d. 878, l. 1-2.
8. Istyagin V.R. *Realizatsiya gosudarstvennoi pereselencheskoi politiki v period kollektivizatsii (na materialakh Dona i Severnogo Kavkaza)* [Implementation of the State Resettlement Policy in the Period of Collectivization (Based on the Materials of the Don and the North Caucasus)]. Rostov-on-Don, Donizdat, 2016. 175 p.
9. Kazachestvo Severo-Kavkazskogo kraya. *Itogi perepisi naseleniya 1926 g.* [The Cossacks of the North Caucasus Region. The Results of the Population Census of 1926]. Rostov-on-Don, Sev.-Kavk. kraev. stat. upr., 1928. 99 p.
10. Kozlov A.I. *Na istoricheskem poverote* [At a Historical Turn]. Rostov-on-Don, Izd-vo Rost. un-ta, 1977. 214 p.
11. Chistov K.V., ed. *Kubanskie stanitsy: Etnicheskie i kulturno-bytovye protsessy na Kubani* [Kuban Villages: Ethnic and Cultural Processes in the Kuban]. Moscow, Nauka Publ., 1967. 356 p.
12. Lubny-Gertsyk L.I. *Dvizhenie naseleniya na territorii SSSR za vremia mirovoi voiny i revoliutsii* [The Movement of the Population on the Territory of the USSR During the World War and the Revolution]. Moscow, Pl. khoz-vo; Gosplan SSSR, 1926. 124 p.
13. Makarenko M.Yu. *Yug Rossii nakanune i v protsesse demograficheskoy modernizatsii (1897–1926 gg.)* [The South of Russia on the Eve and in the Process of Demographic Modernization (1897–1926)]. Krasnodar, Kuban. gos. un-t, 2010. 160 p.
14. Krasilnikov S.A., ed. *Marginaly v sotsiume. Marginaly kak sotsium. Sibir (1920–1930-e gody)* [Marginals in Society. Marginals as a Society. Siberia (1920–1930s)]. Moscow, Polit. entsikl., 2017. 600 p.
15. Nagaeva G.A. *Istoricheskie faktory formirovaniia naselennykh punktov (na primere Chernomorskogo poberezhia Krasnodarskogo kraya)* [Historical Factors of the Formation of Settlements (By the Example of the Black Sea Coast of Krasnodar Region)]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki* [University Proceedings. Volga Region. Humanities], 2021, no. 3 (59), pp. 24-37. DOI: 10.21685/2072-3024-2021-3-3
16. Smirnsky V. I., ed. *Naselenie i khoziaistvo Kubansko-Chernomorskoi oblasti. Statisticheskiy sbornik za 1922–1923 god. V 3 ch. Ch. 1* [Population and economy of the Kuban-Black Sea region. Statistical collection for 1922–1923. In 3 Pts. Pt. 1]. Krasnodar, Kuban.-Chernom. obl. pl. komis., 1924. Part 1. 226 p.
17. Nezhigaj E.N. *Natsionalnyi sostav naseleniya Kubano-Chernomorskoy oblasti v 20-e gody XX veka* [The National Composition of the Population of the Kuban-Black Sea Region in the 20s of the 20th Century]. *Vestnik Akademii znanii*, 2013, no. 2 (5), pp. 22-26.
18. Pankova-Kozochkina T.V., Bondarev V.A. *Kazache-krestianskoe khoziaistvo epokhi NEPa: problemy modernizatsii agrarnykh otnoshenii na Iuge Rossii* [Cossack-Peasant Economy of the NEP Era: Problems of Modernization of Agrarian Relations in the South of Russia]. Novocherkassk, Lik Publ., 2012. 266 p.
19. Pisarev I.Yu. *Narodonaselenie SSSR: sots.-ekon. ocherk* [The Population of the USSR. A Socio-Economic Essay]. Moscow, Izd-vo sots.-ekon. lit., 1962. 188 p.
20. Ponomarev A.A. *Territorija i naselenie Yugo-Vostoka* [Territory and Population of the South-East]. *Yugo-Vostok: sprav. po Yugo-Vostoku Rossii* [South-East: Information on the South-East of Russia]. Rostov-on-Don, Sov. Yug Publ., 1924, pp. 349-372.
21. *Poselennye itogi perepisi 1926 goda po Severo-Kavkazskomu krayu* [Settlement Results of the 1926 Census in the North Caucasus Region]. Rostov-on-Don, Sev.-Kavk. kraev. stat. upr., otd. perepisi, 1929. 547 p.
22. Postanovlenie TsK VKP(b) i SNK SSSR «O khlebozagotovkakh v Ukraine, na Severnom Kavkaze i v Zapadnoi oblasti». 14 dekabria 1932 g. [Resolution of the Central Committee of the VKP(b) and the Council of Peoples Commissars of the USSR “On Grain Procurements in Ukraine, the North Caucasus and the Western Region” on December 14, 1932]. *Rossijskii gosudarstvennyi arkhiv sotsialno-politicheskoy istorii* [Russian State Archive of Social and Political History], f. 17, inv. 3, d. 2025, l. 42-42r.
23. Protokol № 1 rasshirennogo soveschaniya Chernomorskoy okruzhnoj grecheskoj sektsii pri Agitpropotde Chernomorskogo okruzhkoma VKP(b) ot 18 maya 1927 g. [Protocol No. 1 of the Expanded Meeting of the Black Sea District Greek Section at the Propaganda Department of the Black Sea District Committee of the CPSU(b) Dated May 18, 1927]. *TsDNIKK* [Center for Documentation of the Modern History of the Krasnodar Territory], f. 9, inv. 1, d. 817, l. 13-31.
24. Rakachev V.N. *Naselenie Kubani i Stavropolia v 1930–1950-e gg.: istoriko-demograficheskoe issledovanie* [The Population of Kuban and Stavropol Regions in the 1930–1950s: A Historical and Demographic Study]. Krasnodar, Kuban. gos. un-t, 2017. 350 p.

25. Rakachev V.N., Rakacheva Ya.V. *Narodonaselenie Kubani v XX veke: istoriko-demograficheskoe issledovanie. V 4 t. T. I. 1900–1920-e gg.* [The Population of Kuban in the 20th Century: A Historical and Demographic Study. In 4 Vols. Vol. 1. 1900–1920-s]. Krasnodar, Kuban. gos. un-t, 2005. 199 p.
26. Ratushnyak V.N. *Istoriia kubanskogo kazachestva* [The History of the Kuban Cossacks]. Krasnodar, Traditsiya Publ., 2013. 416 p.
27. Salfetnikov D.A. *Razvitiye promyshlennosti Kubani v gody pervykh piatiletok (1928–1937)* [Development of the Kuban Industry During the First Five-Year Plans (1928–1937)]. Krasnodar, Kuban. gos. agrar. un-t, 2013. 193 p.
28. Skorik A.P., Fedina I.M. *Kubanskie kuren i stanitsy: povsednevnyi poselencheskij uklad kubanskikh kazakov i istoricheskie formy poselenii na Kubani v kontse XVIII – pervoj treti XX vekov* [Kuban Kurens and Villages: The Everyday Settlement Life of the Kuban Cossacks and the Historical Forms of Settlements in the Kuban at the End of the 18th First – Third of the 20th Centuries]. Novocherkassk, Lik Publ., 2022. 1335 p.
29. Smirnskij V.I. *Naselenie i khoziaistvo Kubanskogo okruga. K nachalu 1924–1925 goda (obshchiy ocherk)* [Population and Economy of the Kuban District. By the Beginning of 1924–1925 (General Outline)]. Krasnodar, Kuban. okr. ispoln. kom., 1924. 46, VI p.
30. Orlov V.S., Ponomarev A.A., ed. *Statisticheskiy spravochnik Yugo-Vostoka Rossii. Vyp. 2* [Statistical Handbook of the South-East of Russia. Iss. 2]. Rostov-on-Don, Iugo-Vost. pl. kom. pri Krajekonomsovete Iugo-Vostoka Rossii, 1923. 312 p.
31. Subbotin O.S. *Razvitiye sistem rasseleniya i samobytnye cherty v planirovke naselennykh mest Kubani* [The Development of Settlement Systems and Distinctive Features in the Planning of Settlements in the Kuban]. *Zhilishchnoe stroitelstvo*, 2014, no. 11, pp. 16–22.
32. *Skhematischekaia karta Kubansko-Chernomorskoi oblasti* [Schematic Map of the Kuban–Black Sea Region]. Krasnodar, 1-a litogr. Krasnodara, 1923. 1 p.
33. Kasianov V.V., ed. *Khrestomatiya po istorii Kubani* [A Textbook on the History of the Kuban]. Krasnodar, Periodika Kubani Publ., 2015. 400 p.
34. Tsutsiev A.A. *Atlas etnopoliticheskoi istorii Kavkaza (1774–2004)* [Atlas of the Ethnopolitical History of the Caucasus (1774–2004)]. Moscow, Evropa Publ., 2006. 128 p.
35. Schetnev V.E. *Oktiabrskaya revoliutsiya i dinamika sotsialno-ekonomiceskoy struktury kubanskoj stanitsy* [The October Revolution and the Dynamics of the Socio-Economic Structure of the Kuban Village]. *Ezhegodnik po agrarnoj istorii Vostochnoj Evropy: dokl. i soobshch. Deviatoi ses. Mezhdunar. simp.* [Yearbook of the Agrarian History of Eastern Europe: Reports and Communications of the Ninth Session of the International Symposium]. Tallin, AN ESSR, 1971, pp. 522–531.
36. Baker A.R.H. *Geography and History: Bridging the Divide*. Cambridge, Cambridge University Press, 2010. 281 p.
37. Becker Ch., Mendelsohn J., Benderskaya K. *Russian Urbanization in the Soviet and Post-Soviet Eras*. New York, International Institute for Environment and Development United Nations Population Fund, 2012. 134 p.
38. Bruisch K., Gestwa K. Expertise and the Quest for Rural Modernization in the Russian Empire and the Soviet Union. *Cahiers du Monde Russe*, 2016, no. 57/1, pp. 7–30. DOI : <https://doi.org/10.4000/monderusse.8324>
39. Christaller W. *Le localita centrali della Germania meridionale: unindagine economico-geografica sulla regolarita della distribuzione e dello sviluppo degli insediamenti con funzioni urbane*. Milano, F. Angeli, 1980. 342 p.
40. Domosh M., Heffernan M., Withers Ch. *The Sage Handbook of Historical Geography*. London, Sage Publications, 2021. 1168 p.
41. Graham B., Nash C. *Modern Historical Geographies*. Harlow etc., Pearson/Longman, 2006. XIV, 279 p.
42. Holdsworth D.W. Historical Geography: New Ways of Imaging and Seeing the Past. *Progress in Human Geography*, 2003, no. 27 (4), pp. 486–493. DOI: 10.1191/0309132503ph440pr
43. Izhar Hassan M. *Population Geography: A Systematic Exposition*. New Dehli, Routledge India, 2020. 368 p.
44. Kumō K., Morinaga T., Shida Y. *Long-Term population statistics for Russia 1867–2002*. Tokyo, Russian Research Center; The Institute of Economic Research Hitotsubashi University Kunitachi, 2007. 39 p.
45. Losch A. *The Economics of Location*. New Haven, Yale University Press, 1954. 520 p.
46. Afontsev S., Kessler G., Markevich A., Tyazhelnikova V., Valetov T. *Urban Households in Russia and the Soviet Union, 1900–2000: Size, Structure and Composition*. Amsterdam, Internationaal Instituut voor Sociale Geschiedenis, 2005. 90 p.

Information About the Authors

Andrey V. Baranov, Doctor of Sciences (History), Doctor of Sciences (Politics), Professor, Department of Political Science and Political Management, Kuban State University, Stavropolskaya St, 149, 350040 Krasnodar, Russian Federation, baranovandrew@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7109-3062>

Valery V. Kasyanov, Doctor of Sciences (History), Doctor of Sciences (Sociology), Professor, Head of the Department of Russian History, Dean of the Faculty of Journalism, Kuban State University, Stavropolskaya St, 149, 350040 Krasnodar, Russian Federation, culture@kubsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9844-1802>

Информация об авторах

Андрей Владимирович Баранов, доктор исторических наук, доктор политических наук, профессор кафедры политологии и политического управления, Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, 350040 г. Краснодар, Российская Федерация, baranovandrew@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7109-3062>

Валерий Васильевич Касьянов, доктор исторических наук, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, декан факультета журналистики, Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, 350040 г. Краснодар, Российская Федерация, culture@kubsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9844-1802>